

**АКСИОЛОГО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ВАЖНЕЙШИЙ
НАУЧНО И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ИЗУЧЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

**Аксиологиялык-герменевтикалык ыкма адабий чыгармаларды изилдөөнүн эн
маанилүү илимий жана окуу-методикалык компоненти катары**

**Axiological-hermeneutic approach as the most important scientific and educational-
methodological component of the study of literary works**

***Аннотация.** В статье рассматриваются перспективы применения в научной и учебной работе филолога аксиолого-герменевтического подхода. Данный подход задействует комплекс научных методов из области аксиологии и герменевтики, позволяя рассматривать произведения в свете авторского идеала и его ценностных доминант. По мнению автора статьи, научное исследование произведения и его изучение в образовательной среде учитывает также его этико-эстетическую целостность. В данной статье автор сделал акцент на анализе содержательных аспектов произведения. Аксиолого-герменевтический подход может оказать помощь в подборе произведений для анализа, которые отмечены высотой авторского идеала, яркой выраженностью гуманистических идей, настроений и поступков персонажей.*

***Аннотация.** Макалада филологдун илимий жана билим берүү ишинде аксиологиялык-герменевтикалык ыкманы колдонуунун келечеги талкууланат. Бул ыкма аксиология жана герменевтика жаатындагы илимий методдордун жыйындысын колдонуп, чыгармаларды автордук идеал жана анын баалуулук доминанттары аспектинде кароого мүмкүнчүлүк берет. Макаланын авторунун оюнча, чыгарманы илимий изилдөө жана билим берүү чөйрөсүндө изилдөө анын этикалык жана эстетикалык бүтүндүгүн да эске алат. Бул макалада автор чыгарманын мазмунун жактарын талдоого басым жасаган. Аксиологиялык-герменевтикалык ыкма автордук идеалдын бийиктиги, каармандардын гуманисттик идеяларын, маанайын жана ши-аракеттерин ачык-айкын чагылдырган чыгармаларды тандап алууга жардам берет.*

***Abstract.** The article discusses the prospects for the application of the axiological-hermeneutic approach in the scientific and educational work of the philologist. This approach uses a set of scientific methods from the field of axiology and hermeneutics, allowing us to consider works in the light of the author's ideal and its value dominants. According to the author of the article, the scientific study of a work and its study in the educational environment also takes into account its ethical and aesthetic integrity. In this article the author focused on the analysis of the content aspects of the work. The axiological-hermeneutic approach can help in the selection of works for analysis, which are marked by the height of the author's ideal, the vivid expression of humanistic ideas, moods and actions of the characters.*

***Ключевые слова:** аксиология, герменевтика, ценности, авторский идеал, аксиосфера, гуманизация.*

***Урунтуу сөздөр:** аксиология, герменевтика, баалуулуктар, автордук идеал, аксиосфера, гумандаштыруу.*

Keyword: *axiology, hermeneutics, values, author's ideal, axiosphere, humanization.*

Данная статья ставит целью – донести до ученых и педагогов результаты многолетней работы автора, связанной с гуманизацией научно- и учебно-методической деятельности в области изучения литературных произведений.

По нашим наблюдениям, процесс гуманизации охватывает научную и образовательную среду невиданными темпами. Особенно это касается дисциплин гуманитарной направленности. И свою существенную роль здесь играют два важнейших, по нашему мнению, подхода – аксиологический и герменевтический.

Аксиология – философская наука о ценностях. Ценности – это позитивные общезначимые принципы, определяющие «направленность человеческой деятельности, мотивацию человеческих поступков» [1, с. 17].

Ценности бывают:

1. Онтологические (внеисторические, метафизические, то есть вечные, неизменные), «ориентация на которые образует духовную жизнь людей»: «истина как абсолютная цель познания, добро как стержень нравственности, красота как первичная (изначальная) эстетическая категория. В этом же смысловом ряду – любовь и милосердие, вера, свобода, справедливость (правда-справедливость), личность» др. Сюда же относят «витальные ценности, каковы сила, здоровье, душевно-телесный порыв, счастье и т. п. <...>» [2, с. 34].
2. Трансисторические (значимые во все эпохи формы культуры): «мифология, религия, философия, наука; трудовые навыки и способы заполнения досуга; совокупность технических изобретений; опыт межличностного общения и т. п.» [2, с. 35].
3. Локальные, «т. е. единичные данности, которые дороги, насущны и святы для отдельных индивидов или сообществ (малых и больших). В этом ряду – высоко ценимые определенным кругом людей исторические события и лица; философские, религиозные и художественные тексты; черты природной или городской среды для тех, кто в ней обитает; привычный бытовой обиход и его предметы; сродные данному человеку, единственные для него люди и память о них, что составляет едва ли не высшую форму локальных ценностей» [2, с. 35].

Нас интересует воплощение этих ценностей в литературных произведениях. На наш взгляд, наиболее продуктивным и актуальным видится рассмотрение круга ценностей, связанных с авторским идеалом писателя, основанным на онтологической ценности добра. Имеется в виду моральное добро как «абсолютная, самоочевидная общечеловеческая ценность», которая «осознается и понимается как реализуемая в поступках человечность» [3, с. 76], как «безусловное требование человечности» [4, с. 164]. Категория добра, или гуманности (человечности), реализуется в целом ряде ценностных понятий: «доброта», «совестливость», «человеколюбие», «жалость», «эмпатия» (сопереживание), «альтруизм» (бескорыстие), «милосердие» и другие.

Данные ценности могут выступать в качестве авторских идеалов в произведениях писателей в самых разнообразных речевых формах. Например, у Ф.М. Достоевского в романе «Идиот» идеал сострадания входит в афористическое речение князя Мышкина: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» [5, с. 192].

У Льва Толстого в рассказе «Люцерн», который он создал в двадцать девять лет, идеал представлен опосредованно в виде внутренней рефлексии автора. Вкратце фабула такова: автор-рассказчик побывал в швейцарском городке Люцерн и стал свидетелем того, как люди из высшего света проигнорировали выступление нищенствующего певца и ничего ему не подали, кроме рассказчика, а только посмеялись над ним. Негодование на этих людей сменяется у рассказчика совсем иным чувством:

«Нет, – сказалось мне неволью, – ты не имеешь права жалеть о нем и негодовать на благосостояние лорда. Кто свесил внутреннее счастье, которое лежит в душе каждого из

этих людей? Вон он сидит теперь где-нибудь на грязном пороге, смотрит в блестящее лунное небо и радостно поет среди тихой, благоуханной ночи, в душе его нет ни упрека, ни злобы, ни раскаянья. А кто знает, что делается теперь в душе всех этих людей, за этими богатыми, высокими стенами? Кто знает, есть ли в них всех столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласия с миром, сколько ее живет в душе этого маленького человека? Бесконечна благодать и премудрость того, кто позволил и велел существовать всем этим противоречиям. Только тебе, ничтожному червяку, дерзко, незаконно пытающемуся проникнуть его законы, его намерения, только тебе кажутся противоречия. Он кротко смотрит с своей светлой неизмеримой высоты и радуется на бесконечную гармонию, в которой вы все противоречиво, бесконечно движетесь. В своей гордости ты думал вырваться из законов общего. Нет, и ты с своим маленьким, пошленьким негодованьем на лакеев, и ты тоже ответил на гармоническую потребность вечного и бесконечного...» [6, с. 26].

Здесь авторский идеал представлен, во-первых, отрицательно-усилительными словоформами: «ни упрека, ни злобы, ни раскаяния». Во-вторых, через риторические вопросы: «А кто знает, что делается теперь в душе всех этих людей, за этими богатыми, высокими стенами? Кто знает, есть ли в них всех столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласия с миром, сколько ее живет в душе этого маленького человека?» Пафос этих вопросов исполнен сочувствия, жалости автора. В-третьих, через прямо названные ценности: кроткая радость жизни, согласие с миром, бесконечная гармония. В целом главный пафос рассказа сводится к утверждению идеала братского единения людей, их равенству перед высшим, божеским началом.

Если обратиться к роману А. И. Гончарова «Обломов», то здесь авторский идеал воплощается в форме полемического диалога между Ильей Ильичом Обломовым и модным писателем Пенкиным. Илья Ильич возмущен писателями, которые бичуют пороки, не имея любви к человеку, понимания и сочувствия:

«— Из чего же они бьются: из потехи, что ли, что вот кого-де не возьмем, а верно и выйдет? А жизни-то и нет ни в чем: нет понимания ее и сочувствия, нет того, что там у вас называется гуманизмом. Одно самолюбие только. Изображают-то они воров, падших женщин, точно ловят их на улице да отводят в тюрьму. В их рассказе слышны не "невидимые слезы", а один только видимый, грубый смех, злость...

— Что ж еще нужно? И прекрасно, вы сами высказались: это кипучая злость — желчное гонение на порок, смех презрения над падшим человеком... тут все!

— Нет, не все! — вдруг воспламенившись, сказал Обломов. — Изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь. Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! — почти шипел Обломов.

— Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой, — тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову... — сказал он, улегшись опять покойно на диване. — Изображают они вора, падшую женщину, — говорил он, — а человека-то забывают или не умеют изобразить. Какое же тут искусство, какие поэтические краски нашли вы? Обличайте разврат, грязь, только, пожалуйста, без претензии на поэзию.

— Что же, природу прикажете изображать: розы, соловья или морозное утро, между тем как все кипит, движется вокруг? Нам нужна одна голая физиология общества; не до песен нам теперь...

— Человека, человека давайте мне! — говорил Обломов. — Любите его...

— Любить ростовщика, ханжу, воруемого или тупоумного чиновника — слышите? Что вы это? И видно, что вы не занимаетесь литературой! — горячился Пенкин. — Нет, их надо карать, извергнуть из гражданской среды, из общества...

– Извергнуть из гражданской среды! – вдруг заговорил вдохновенно Обломов, встав перед Пенкиным. – Это значит забыть, что в этом негодном сосуде присутствовало высшее начало; что он испорченный человек, но все человек же, то есть вы сами. Извергнуть! А как вы извергнете из круга человечества, из лоно природы, из милосердия божия? – почти крикнул он с пылающими глазами» [7, с. 47–48].

В приведенном фрагменте мы обнаруживаем идеалы автора, прямо обозначенные в тексте: понимание, сочувствие, гуманизм (человечность), любовь. Некоторые из них выражены императивными формами: «Протяните руку падшему человеку... или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой. Общий пафос речи Ильи Ильича сводится к идеалу всеобщей доброты, что выявляется из всего контекста.

Итак, аксиологический подход основан на критерии добра (гуманности) как сущностной категории и типологии доминант аксиосферы (системы ценностей / идеалов) писателя, имеющей важнейшее воспитательное значение.

В синтезе с аксиологическим подходом герменевтический подход (герменевтика – наука об истолковании произведений, о понимании, смысле) дополняет аналитическую стратегию интерпретационной. Этот подход помогает исследователю, обучающемуся «вжиться», «вчувствоваться» в произведение, в его героев, в душу автора и, опираясь на аксиологический критерий добра (гуманности), обнаружить в произведении его различные ценностные проявления. При этом истолкование, интерпретация произведения осуществляется в гуманистическом ключе – в свете позитивно-критической, эмпатийной интерпретации.

Немецкий ученый Вильгельм Дильтей считал: «Познать человека... значит проникнуть в его мотивы, идеалы, представления, в его целостный духовный мир, и единственным средством такого проникновения может служить только эмпатическое "вживание", симпатизирующая идентификация с "другим"...» [8, с. 19].

Известный российский ученый М.М. Бахтин также подчеркивает этичность «акта вчувствования», полагая, что «...наиболее распространенная форма осмысления содержания вчувствования: симпатия, сострадание, помощь...» [8, с. 294].

Таким образом, можно сделать вывод, что эмпатийно-интерпретационный метод как важнейшая грань герменевтического подхода помогает «вжиться», «вчувствоваться» в героев произведения, в душу автора и выявить степень соответствия мыслей, поступков, фраз автора и его героев тем или иным ценностным проявлениям категории добра. На первый план при эмпатийной интерпретации произведения выдвигается гуманная оценка литературных явлений. Это эффективно, на наш взгляд, гуманизирует душу исследователя и обучающегося.

Настоящая цель аксиологического и герменевтического методов, таким образом, состоит в анализе произведения в свете категории добра. Мы выявляем степень выраженности категории добра и его ценностных проявлений (жалости, отзывчивости, милосердия, любви к человеку, добросердечия, сочувствия, терпимости, жертвенности и др.).

Нами апробированы успешно научные исследования студентов, в которых основное внимание уделено фиксации гуманного сознания, добрых чувств, различных проявлений человечности в тех или иных произведениях. Например, анализ романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» в свете данных подходов выявил его гуманное звучание. Удалось выделить важнейшие композиционно-речевые доминанты идеалистического характера. Сделан вывод, о том, что главным в романе является пафос потребности героев в любви, единении и взаимопонимании.

Конечно, в произведениях часто встречаются негативные аспекты, исключительные ситуации: конфликты, противостояния, преступления и т. п. Но главное, обращать внимание на то, чтобы в содержании доминировала авторская идея веры в добро, в гуманность, в любовь, в возможность добрых начал человека. Таковы, на наш взгляд, к

примеру, роман Ч. Диккенса «Домби и сын», повесть «Мальчик из Джорджии» Э. Колдуэлла, новелла «Станционный смотритель» А.С. Пушкина, очерк «Добрая душа» М.Е. Салтыкова-Щедрина, рассказ «Хозяин и работник» Л.Н. Толстого, новелла «Покушение на убийство» К. Чапека, повесть «Жена» А.П. Чехова и др,

Однако в целях полноценной гуманизации исследователя, обучающегося важны и такие произведения, в которых деструктивная составляющая в плане содержания минимальна или отсутствует, а доминируют доброе сознание, доброе чувство автора, героя/героев. Соответственно возрастает роль текстов, в которых:

- 1) максимально выражена человечность (смирение, совесть, любовь к ближнему),
- 2) автор концентрируется на том, что объединяет людей,
- 3) содержится идея нравственного совершенствования, нравственного развития.

В ряду таких произведений можно назвать следующие: пьесу для чтения «Обряд инициации» М. Арбатовой, рассказ-миниатюру «Саша Шулёв заплясал» Ф.А. Абрамова, рассказы «Бахиана» Ч.Т. Айтматова, «Адочка» Н.Г. Гарина-Михайловского, «Новогодний праздник отца и маленькой дочери» А.С. Грина, «Босёе писибо» Б. Екимова, «Слон» А. И. Куприна, новеллу «День воскресения» О. Генри, рассказы «Сосед», «Два» Н. Тэффи, «Петя» В.М. Шукшина, «Один месяц» О. Юровской и др.

Приведем для примера мини-рассказ Ф. А. Абрамова «Саша Шулёв заплясал»:

«За новогодний стол сели рано. За добрый час до боя Кремлевских курантов. Ну и что делать? Как убить время?

– А давайте вспомним самый счастливый день в уходящем году.

И вот пошли рассказы: про выход новой книги, про защиту диссертации, про премьеру, про любовь...

– А у тебя какой самый счастливый день, Феня? – спросили у дальней родственницы хозяйки.

Феня, и без того застенчивая, робкая, приткнувшись к столу с краешка от дверей как серая утушка, тут растерялась так, что слёзы выступили на глазах:

– А у меня ничего такого творческого. Ни книг, ни любви. Разве только когда Саша Шулёв заплясал на ёлке...

– Какой Саша?

– Мальчик. Три годика ему. Я в садике воспитательницей работаю. Когда я пришла к ним в группу, Саша не ходил. Все лежал. Рахитик. Живот. Ножки ухватиком. Ужас! И мать непутёвая. Когда возьмёт ребенка домой, когда нет. В общем, ужас, ужас. Без улыбки ребёнок. При мне начал улыбаться. А вчера, – опять прослезилась, – все матери пришли на ёлку, а та, гулёна, не пришла. Я взяла Сашу за ручку: "Дети, Мороз всем велел плясать, тогда весь год счастливым будет". И что вы думаете? Ой, не могу! Саша у меня всех больше плясал. Попа отвисла, ноги ухватиком, живот... А он потом обливается да пляшет. "Сашенька, отдохни, Сашенька, хватит..." Не отдыхает. Очень уж ему хотелось, чтобы у него год счастливый был» [10, с. 373–374].

Аксиолого-герменевтический подход помогает нам выявить в рамках категории добра моральную ценность, которую автор позиционирует как идеал – это эмпатия, сопереживание. Отсюда мы можем раскрыть суть содержания. Главная мысль рассказа сводится к тому, что истинная радость, как выясняется из рассказа Фени, – когда радостно ближнему, особенно ребенку. Автор сконцентрировал внимание на ответе дальней родственницы хозяйки – Фени, потому что она одна говорила о счастье видеть радость ближнего – маленького Саши Шулева. В то время как остальные говорили о том, что было приятно и важно лично для них.

С гуманно воспитывающей точки зрения особую актуальность приобретают произведения, для которых характерна не критическая направленность, а жалость к людям, любовь к ним. Если произведение учит читателя видеть хорошее и сочувствовать людям, оно способно активизировать читательский интерес и сформировать в сознании читателя устойчивую ориентацию на высокие гуманные ценности.

В этом отношении, на наш взгляд, важно зафиксировать читательскую рецепцию, восприятие произведения обучающимся как мотивацию для включения данного произведения в программу обучения. Мы, к примеру, задаем вопросы: «Почему вы выбрали эту тему, это произведение? В чем заключается его основной пафос (то есть тип авторской эмоциональности, преобладающее настроение автора)?» И получаем приблизительно следующие ответы: «Произведение понравилось мне, произвело на меня сильное впечатление своей гуманной направленностью, человечностью, возвышенностью чувств героев и автора» или: «Произведение вызвало у меня сильное доброе переживание, симпатию и сочувствие к героям. В нем преобладает пафос любви к человеку и желание автора поделиться радостью от торжества в душе человека высоких, благородных чувств». В подобном случае мы имеем прямое доказательство позитивного воздействия произведения на читателя, а значит, основание включить его в программу обучения.

Думается, прав ученый А.Б. Есин, который подчеркивает: «<...> Внимание к вечным аспектам тематики очень важно в методологическом и методическом смысле, ибо позволяет изменить угол зрения на предмет, дополнить традиционный социологический подход (вырождающийся, как правило, в унылый шаблон) пониманием универсального, общечеловеческого содержания классических произведений. Сейчас, когда во всех областях общественного сознания актуализируются общечеловеческие, общегуманистические, вечные ценности, эта задача становится чрезвычайно важной <...>» [11, с. 37].

Прочтение и анализ произведений в свете гуманных ценностей вызывает у исследователей и обучающихся настоящий интерес, творческий подъем, приносит радость. При этом особую значимость приобретают произведения, в которых содержатся ярко выраженные идея, образ, тема, возвышающие и гуманизирующие душу. Под гуманизацией мы понимаем изменение характеров в плане усиления и развития добрых чувств и мыслей в человеке. Через изменение миропонимания осуществляется переоценка ценностей и позитивное изменение характеров. Гуманная душа автора никого не судит и относится ко всем своим героям с сочувствием и симпатией.

Эмпатийно-интерпретационный подход предполагает позитивно-критическую, эмпатийную, гуманную оценку литературных явлений вместо негативно-критических суждений, критицизма. При этом углубляется понимание каждого образа, души автора. Актуализируется принцип, условно обозначенный автором как презумпция гуманности, то есть изначальное предположение о гуманности автора, произведения, героев. Становятся недопустимыми негативные, сниженные характеристики, социально-идеологические штампы (обломовщина, базаровщина, маниловщина и т. п.). Получают человеческую трактовку даже образы классических «отрицательных» героев.

К сожалению, еще бытует стереотип, что обучающийся сам разберется в ценностном мире произведения, что все произведения имеют воспитательное значение. Но следует помнить, что многие произведения либо игнорируют приоритетность гуманных идеалов, либо придают им релятивистский характер, либо ослабляют их значимость в угоду тем или иным идеологическим установкам. Врожденная гуманность у обучающихся зачастую еще не раскрыта, не стала стойким, осознанным убеждением. Поэтому в результате прочтения книг деструктивного плана, то есть негативно окрашенных, с критико-осудительной, изобличающей, антагонистической или депрессивной направленностью читатель, особенно юный, может получить на всю жизнь четко сформированные негативные понятия и представления о людях и о жизни.

Автор убежден: необходим баланс произведений. Произведения, показывающие негативные, отрицательные явления жизни, несовершенства человеческой природы, концентрирующиеся на преступлениях, насилии, суициде, отчужденности, сделках с нечистой силой, политических проблемах и т. д. должны обязательно уравновешиваться произведениями, отражающими позитивные, гармонические стороны жизни, добрые

начала души человека, его способность к гуманному мышлению, проявлению добрых эмоций. Кроме того, наличие в произведении позитивных героев, с позитивным, гуманным мировоззрением оказывает могучее гуманизирующее, воспитательное воздействие на читателя.

Все вышеизложенное подводит к мысли о том, что доминантным критерием отбора произведений для чтения и анализа должен, на наш взгляд, выступать идеал гуманности. Следует искать соответствие содержания произведения с этим идеалом. В таком случае для исследователя, обучающегося, просто читателя станут общедоступными, известными и нужными произведения программных и непрограммных писателей, такие произведения, в которых ярко выражены нравственно-гуманистические идеалы любви, доброты, стремления человека к нравственному развитию. В таких произведениях эти идеалы не скрыты под спудом умозрительных, туманных философствований, двойственных размышлений, релятивистских установок, не пребывают в тени негативных жизненных проявлений и воспринимаются в гармоническом комплексе познавательных, этических и эстетических аспектов.

Аксиолого-герменевтический подход, таким образом, дает возможность вычленить, выделить и проанализировать добрые движения души, добрые мысли и чувства субъектов произведения. Именно при этом условии, на наш взгляд, произведение окажется важным для чтения и обучения, для воспитания «современного читателя, эстетически развитого и гуманистически мыслящего» [12, с. 17]. Потенциал такого подхода видится чрезвычайно продуктивным в свете оптимизации современного научно- и учебно-образовательного процесса.

Список цитируемых источников:

1. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2001.
2. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2002.
3. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. – 6-е изд. – М., 1989.
4. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2001.
5. Достоевский Ф.М. Идиот // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1973. – Т. 8.
6. Толстой Л.Н. Люцерн // Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.: ГИХЛ, 1935. – Т. 5.
7. Гончаров И.А. Обломов: роман в 4-х частях / вступ. ст. и примеч. В. Сквозникова. – М., 1973.
8. Косиков Г.К. Два века западноевропейского литературоведения: от "романтической герменевтики" до "новой критики" // Косиков Г.К. От структурализма к постструктурализму (проблемы методологии). – М., 1998.
9. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х гг. // Собр. соч.: В 7 т. – М., 2003. – Т. 1.
10. Абрамов Ф.А. Жарким летом: рассказы. – Л., 1984.
11. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособ. – 2-е изд., испр. – М., 1999.
12. Методика преподавания литературы: учебная хрестоматия-практикум: / автор-составитель Б.А. Ланин. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2007.

Рецензент: Койчурев Б.Т. - доктор филологических наук, профессор КРСУ имени Б. Н. Ельцина